

Илья Либман

Малыш 21 века

18+

Илья Либман
Малыш 21 века

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Либман И.

Малыш 21 века / И. Либман — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта последняя из книг, описывающих жизнь неугомонного Малыша. Случайным образом, пересматривая старые бумаги и документы, он находит номер телефона, который может помочь ему повернуть жизнь в ином направлении, встретиться с давно невиданной женщиной (опять женщиной!) и вместе с ней искать разгадку рецепта эликсира путешествий в былое. Но какие же поиски и разгадки бывают без путешествий? В Нью-Мексико, в индейской резервации он встречается с посланницей с Оранжевой из книги «Время Апельсина».

© Либман И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Илья Либман.	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Илья Либман. Малыш 21 века

Глава первая

Жить в абсолютном одиночестве может далеко не каждый. Наши привычки и мысли по умолчанию организованы таким образом, что в них есть другие действующие лица и исполнители. И наши акции пересекаются и бывают интерактивны: они создают диффузии, скольжения и фрикции, прямые и обратные связи. И накий.

Малыш жил опять в одиночестве. Уже вторую неделю он просыпался в одно и тоже время от непривычной пустоты при перевороте на бок, но интервалы прерванного сна становились все короче – он поправлялся.

Прелесть, по имени Надин, оставила ему записку, приклеенную жевачкой к зеркалу, что вообще-то не практиковалось между ними. От записки у него свело в носу на секунду, и текст стал неясен взгляду. Но это было не так важно, потому что смысл ее был и так понятен по отпечатку кофейного мороженого от полных губ в конце текста.

Из комнаты Слаша исчезло все жилое имущество за исключением одиночного носка на дверной ручке. Когда-то они расписали его вместе под мордочку маленького бобренка с 2-мя зубами. Из пасти бобренка торчала бумажная трубочка с коротким ...буду писать.

Нельзя было сказать, что отношения между ними пришли в тупик. Все было размеренно и привычно ровно: в 7:15 утра после неслучайного секса Прелесть выпархивала под душ, а Малыш – на кухню, где уже одетый Слаш завтракал – ковырялся в своих овсяных хлопьях, перелистывая каталог с бабочками или жуками.

Малыш был горд за Слаша: он переставил ему голос с бабьего на мальчишеский и научил его действовать в соответствии с этим. Самостоятельность и решительность пришли к Слашу позже сами по себе, как побочные явления нового голоса.

Малыш на ходу тыкался носом в Слашеву макушку и шел варить кофе.

Слаш выкатывался из-за стола, ставил тарелку в раковину, когда стрелка часов показывала 25 минут. Он говорил Мылашу, что они будут делать после школы, и исчезал за дверями.

Прелести не понравился новый голос Слаша: это больше был не ее сын в полной мере. Конечно, он был, как и прежде, нежен с ней, но объятия его стали осторожнее и короче. Он меньше приставал к ней со своими вопросами или просил у нее какую-нибудь детскую мелочь. Прелесть приписывала все эти изменения в поведении сына к влиянию Малыша, который много лет назад уже воспитал другого сына. На самом деле мальчишки в одиннадцать лет уже совсем не те, что в девять. Малыш пару раз пытался разъяснить Прелести это, но посчитал такое оправдание для себя, безвинного – неуместным, и все довольно зависло в воздухе.

Свое недовольство она редко выражала голосом, потому что видела и понимала, что Малыш любит ее сына может больше, чем ее саму. Такое странное чувство было невыразимо и ей самой неприятно. Она носила в себе его долгие месяцы, как занозу, которая хотя и нарывает, но и становится частью твоей плоти.

Иногда Прелесть успевала перехватить Слаша на пути к дверям, чтобы пожелать ему доброго утра и продуктивного дня.

Иногда она так спешила, что халатик ее бывал полураспахнут, и Малыш отводил свой взгляд и ждал звука закрывающейся за Слашем двери, а потом брал ее с одним накрашенным глазом. Завтрак был отложен, но время не зря потрачено. Прелесть пила свой кофе в машине, которую в таких случаях вел Малыш.

Ее успех на службе был очевиден: она получила все обещанное и даже более, чем.

Хотя продукт был давно готов, но никто не торопился запускать его в производство или разработать по крайней мере его технологию. Продукт еще даже не выставили на официальные торги, и только представители военно-промышленных ведомств обменивались между собою мнениями и предположениями. Всю эту помпу вокруг продукта сделала Прелесть своим обаянием, ученой степенью и неисправимым акцентом.

Для тех, кто не знает, о чем идет речь, можно только сказать, что подробно, как это возможно, про продукт и его возникновение было описано в истории под названием «Второе дыхание».

Малыша иногда одолевала угрызения совести, что он не доплатил положенного другому химику. Но счастливые Прелесть со Слашем были рядом, и угрызения проходили.

Первые две недели пустоты Малыш заполнил встречами и поездками. За день он уставал настолько, что засыпал с включенным телевизором. Он поменял 45-ти минутную рутину упражнений работы с весами в спорт-зале на полутарочасовую. Завел себе там нового спаттера, мужчину-пожарника лет сорока, ирландского происхождения. Расписания работы у того не было: он мог быть вызванным по тревоге 24/7. По словам его нового приятеля доктор порекомендовал ему, чем мочить ус в бездонной кружке, заняться посильным спортом. Тут-то и подвернулся пожарнику одинокий Малыш. Они встречались через день, здоровались кулаками, как это принято в общине пауверлифтеров. Это выглядело довольно анекдотично, потому что Крис был высокого роста и весил много больше двухсот фунтов, а Малыш, хотя и набрал вес с той поры, как перестал бегать, роста так и не прибавил.

Однако, возвратимся к Прелести: сказать, что у нее закружилась голова от резкого успеха было нельзя, потому что вся ее предыдущая жизнь была и хождением по мукам и хождением за три моря. Как человек, хлебнувший лиха, она не возгордилась, а призадумалась. Ей было понятно, что Малыш ее глубоко любил задолго до встречи с ней телесной. Когда-то давно на острове, он дал ей работу своей ассистентки и возможность заработка за неделю больше, чем она зарабатывала в обычное время за год.

Потом у них были романтические продолжения в Италии с белыми лягушками и в Финляндии с черным кофе. Потом у них было «Второе дыхание» и после этого – устроенная жизнь в Уэстчестере с хождением по театрам и концертам в Нью-Йорке.

Малыш никогда не задавал себе вопрос, любит ли его Прелесть или просто ведет себя как «плыви мой челн по воле волн». Его не очень заботило то, что не была она горячей любовницей, а так – скорее активной болельщицей. Но что-то дало трещину в их жизни. Малыш подозревал, что, вращаясь в научном обществе, она встречалась поневоле с достойными внимания людьми, с которыми она могла делить свои профессиональные думы. Прелесть после трансформации с продуктом трансформировалась и сама: из робкой и стесняющейся своей красоты и самобытного произношения она превратилась в добрую фею с восточно-европейским акцентом, которым просто гордилась.

Говоря про акценты, хочется отметить, что в профессорско-преподавательской коммуне в штатах существует несчитанное количество акцентов, к которым все относится с чрезмерной толерантностью стране во вред. Построенное на демократических началах трудоустройство ученого на преподавательскую работу в государственный универ базируется на его ученой степени и печатных работах в его стране и на его языке. Безусловно, такой человек может обладать знаниями, но преподнести их студентам он не в силах – акцент не дает. И сотни студентов на его лекциях переспрашивают друг друга... что он только что сказал... и в ответ получают только пожимание плечами своих не менее понятливых сокурсников. У многих студентов пропадает интерес к предмету. Более целеустремленные пишут петиции-жалобы в администрацию с просьбой поменять им преподавателя.

Прелесть рассказывала Малышу, как ее терроризировали студенты за ее акцент, и что ей приходилось писать на доске слова, им непонятные, и как весь класс взрывался от смеха, когда слово было написано, а у нее выступали пот и слезы.

После ее исчезновения Малыш не делал никаких попыток, чтобы вернуть ее или просто поговорить. Прелесть всегда была оппортунистом – касалось ли это работы или социальной сферы, но умело маскировалась, потому что при полученном воспитании такое считалось неприемлемым. С годами все поменялось. История с продуктом это подтвердила. Даже при таком отменном дирижере, каким считал себя Малыш, нужны были правильные исполнители. Возможно, что он ее недооценивал, а она обвела его вокруг пальца. Все равно он не жалел, что произвел ее в ученые мировой величины с пакетом акций, достаточным на несколько поколений.

Разгребая оставшийся мусор и вкрапление копий чужих документов в свои, Малыш нашел пластмассовый конверт, которых не делают лет тридцать. Он даже не помнил, откуда у него такой, и что в нем могло храниться. Оказалось, что в конверте были артефакты его первой американской экспедиции. Среди неузнаваемых фотографий, он нашел приглашение на батмицу: Рода и Гирш Орловы приглашали его в далеком 1978 на праздник к их дочери Стейси. Приглашение было выполнено на дорогой бумаге с золотым обрезом и совсем не потускнело за десятилетия. Он помнил, как и где он сначала получил устное приглашение, а через неделю его письменное подтверждение. В тот день они с Гиршем неудачно съездили на еврейскую мясокопильню под сказочным названием Шофар Продьюс. Копильней управляло трехголовое существо еврейской национальности. Головы не ладили друг с другом, грызлись и подозревали всех вокруг себя ворами и изменниками общему делу. В своих рассказах-воспоминаниях об Америке в частных компаниях и на публичных лекциях, после возвращения в Союз, Малыш часто и красочно описывал ту поездку, за что негласно прослыл антисемитом и юдофобом.

В этом же конверте лежала копия предложения покинуть штаты в 72 часа. На обратной стороне копии были какие-то подсчеты денег, сделанные мягким карандашом и несколько телефонных номеров. Малыш подумал, что телефонные номера имеют магическую силу – абонент на другом конце может повернуть время вспять. От такой мысли волосы на руках Малыша встали дыбом. Он вспомнил быстротечный конец своей «гастроли». Как они не спали с Райкой последние трое суток и состарились оба от горя. Райка снаряжала его домой, как в экспедицию покорения целой страны при помощи не оружия, а даров. Во время тех сборов они говорили о чем-то несущественном, потому что понимали, что расстаются навсегда. На прощание Райка ему сказала, что когда он будет звонить в штаты, использовать одно летучее предложение из фильма «17 мгновений весны», если ему угрожает арест. Тогда она прилетит в Ленинград и, как его действительная жена и подданная США, будет разбираться с местными властями. Малыш не сомневался – она бы прилетела. Он даже тогда подумал, что скажет эту фразу в любом случае, чтобы она приехала. Сверхкондиционная сняла в том году 3-х комнатную квартиру в Сестрорецке, и всем бы хватило места. Но все обошлось. Малыша не репрессировали, а приняли выездным лектором в общество Знание. Сверхкондиционная оттаивала очень медленно и спала в несъемных трусах.

Из частых телефонных разговоров с Райкой Малыш знал, что дело гибели Грегга не закрыто, что Райку таскают на допросы и в который раз требуют описать одни и те же фрагменты их встреч с Греггом.

Райка ничего не боялась, потому что ей нечего было скрывать, а когда поняла, что так просто ее не отпустят, связалась с кем-то из ЦРУ, кто знал ее по работе на программах обмена студентами в России. Ее возили в квартиру Грегга несколько раз. Обведенные силуэты на полу не тускнели по ее словам. Однажды, при одном таком посещении она увидела толстую общую тетрадь, которой никто не замечал, потому что на ней стоял аквариум с проросшей от старости

картошкой. Тетрадь ей удалось унести. Когда Малыш спросил, что было в тетради, она сказала, что, в основном, химические формулы и фразы из Ницше и Юнга.

Одно время после смерти Сверхкондиционной Малыша посещала идея найти Райку, а через нее и тетрадь Грега. Но он откровенно побаивался встречи с таким далеким прошлым и с не молодой Райкой. Ему было не важно, что она бывала замужем не раз. Он просто не хотел отождествлять бабулю любой миловидности с его Райкой образца 1978 года.

Малыш набрал телефон справочной и объяснил ситуацию с устаревшими номерами телефонов. Телефонистка не хотела заниматься такими мелочами и просто подключила его к какому-то автомату, который механически-вежливым голосом сообщил новые номера телефонов, соответствующие названным, и обещал повторить их за дополнительную плату в 50 центов.

Малыш решил не откладывать дело в долгий ящик и позвонил по одному из номеров. На другом конце трубку сняли после четвертого звонка, и автоответчик сообщил, что дома никого нет и предложил оставить свой телефон и короткое, но ясное сообщение. Автоответчик говорил Райкиным голосом. Не успел Малыш испугаться голосу из прошлого и положить трубку, как вслед за автоответчиком заговорила реальная Райка. Было понятно, что она говорит по одному из тех телефонных аппаратов, которые автоматически определяют номер телефона, с которого идет звонок. Малыш не был готов к такому и даже не смог выплеснуть из себя новую практическую шутку, поэтому сказал одну из тех, которыми они пользовались, когда жили вместе: «Киев-газ». Теперь в трубке воцарилось молчание, и чтобы дать Райке знать, что ее не преследуют слуховые галлюцинации, он продолжал на обычный манер, на который едва ли был способен после десятилетий молчания: «Привет, Рейч. Это я звоню тебе из-за большой воды. Копался сегодня в непонятно откуда взявшихся бумагах и нашел этот номер телефона. Не подозревал, что ты можешь работать автоответчиком на другом конце телефонной линии, так, что даже по стене сполз на пол. Твой голос совсем не изменился. К какому кузнецу ты ходишь за перековыванием голоса и как часто?»

– У тебя тоже очень похожий голос на прошловековой. Я грешным делом совсем про тебя забыла, но голос узнала. Что ты позвонил? Что-нибудь случилось? У вас же сейчас не время для телефонных звонков. Ты здоров на голову? Или правильнее спросить, ты в своем уме?»

Малыш был рад тому, что услышал. Хороший заряд скепсиса и злая ирония в его адрес звучали доказательством, что Райка не парализована от неожиданности. Однако, она думает, что он звонит из-за другой большой воды – из-за океана.

И чтобы эта мысль не выскользнула из его памяти до следующей фразы, он сказал: «Я звоню из-за другой большой воды, чем ты думаешь. Из-за Гудзона или, по-вашему, Хадсон ривер».

Опять воцарилось молчание, и опять Малыш заволновался о параличе или инсульте, но пронесло и на этот раз: «Так ты в Нью-Йорке что ли? Давно приехали?»

– Да давно, но не так. Ты днем занята чем-нибудь? Может быть, встретимся, шампанского попьем, как встарь, если тебе можно. Я не занят для такой оказии и могу подъехать в любое доступное колесам место. Если не можешь сегодня, давай, договоримся на «когда сможешь.»

– Сегодня я ехать никуда не могу – ко мне днем приходят ремонтеры и уборщики, но ты, если хочешь, можешь приехать. Я живу теперь одна и готовлю дом на продажу. У тебя есть GPS – записывай мой адрес. Давай, пожалуйста, быстрее – ко мне уже пришли.

Малыш все записал, как ему сказали.

На автопилоте он поставил 2 бутылки шампанского в морозилку и поймал свое отражение в зеркале около дверей. Отражение было не хуже, чем полчаса назад, но его оно почему-то не устроило. Он даже не понял, что именно его не устроило и почему. Но через пару минут он понял, что подсознательно он хотел бы выглядеть как можно более узнаваемым, но как сделать такое пока не знал.

За несколько дней до их разлуки тридцать слишком лет назад он представлял из себя польского режиссера порно фильмов пана Груцу и таким, наверное, ей запомнился. Тогда он был не брит и носил висячие на польский манер усы, у него были длинные волосы и румяные щеки.

За годы жизни без Райки все это куда-то подевалось. Он посмотрел на себя еще раз и подумал, что можно, конечно, купить и наклеить усы, потому что так быстро ему своих не отрастить, но что делать с остальным волосяным покровом и очками и сединой?

Малыш почти что с ненавистью потерял свою бритую так не кстати щеку и поймал себя на крамольной мысли, что не узнаваемости он хочет, а понравиться. Его даже в жар от такого кинуло, но мгновенно и охладило – зачем ему нравится пожилой женщине, когда он с успехом нравится молодым. Что-то было не так во всей этой логике, но понравиться ему все равно хотелось.

Стоя под душем он додумал эту мысль, и сформулированной и отмытой выглядела она примерно так: годы расставания напоминают из себя телеграфную ленту, разорванную на полуслове, но сохраненную. Неважно, где и как эти разорванные полуслова были все это долгое время, но вот они встретились и соединились в месте разрыва. За годы проведенные врозь два полуслова прошли разные испытания: они пожелтели, загнулись с краю и стали хрупкими не как телеграфная лента, но, соединенные в одно слово, они все равно несли свой первоначальный смысл, и было неважно, кто и как из них выглядел.

Во время размышлений под душем Малыш от напряжения не пользовался водой. Сухое мыло перестало мылить, и это вернуло его в действительность. Он успокоил себя, что возраст женщин ему не так важен, а важно другое.

Шампанское было охлаждено, Райкин адрес введен в его смартфон. Малыш перекинул через руку пиджак из прошлого столетия и направился в гараж.

Их билдинг по-прежнему считался престижным местом жительства. В основном здесь жили молодые семьи без детишек. Возрастной отбор происходил натуральным образом: когда семья обзаводилась потомством, то обычно покупала себе дом, а квартиру свою в билдинге продавала или сдавала в рент. Таким образом полуляция здания была относительно молодой – не старше 40 лет. Бывали, конечно, исключения: одинокие родители с детьми и пожилые люди, переросшие желание и необходимость владеть домом или истинно состоятельные патриоты Уэстчестера, не желающие менять его на флориды и каролины.

Малыш помнил время, когда 80% квартир были заселены японцами. Это было в далекие 80-е, когда японская экономика шагнула за океан и довольно удачно пустила в штатах корни. Японцы сделали абсолютно верный шаг – приехали в Тулу со своим самоваром, иначе говоря все большие корпорации привезли на работу своих служащих с их семьями и скарбом.

Малыш с семьей из последних усилий тогда только вселился в это здание и по недалекости ума считал, что за ковры и лампочки в коридорах, подписное искусство на стенах лобби и недобитых самураев в лифтах и прачечной они платят слишком много денег.

В последствие, семья Малыша делала попытки сдружиться с японскими соседями – они приглашали их на партии парного тенниса в городской парк. Японская пара приглашение приняла и на корт явилась вовремя, но дальше все было не так здорово. Сверхкондиционная только начала осваивать теннис и радовалась каждому успеху на корте, как ребенок. К тому же она была бескомпромисна в спорте и не могла поддаться из соображений вежливости. Малыш знал все это и чтобы хоть как-то уравновесить силы команд поставил ее играть против японского мужчины, а сам стал играть против японской жены. Японцы позорно проиграли, несмотря на все его старания. Японский мужчина становился пурпурного цвета и орал на свою жену за пропущенные мячи. После игры, за ланчем, они совсем не разговаривали с ними, но Сверхкондиционной было уже все равно: она выпила бутылку розэ, как в былые годы, и чувствовала себя превосходно. Самое неприятное случилось позже, когда она спросила японскую

женщину, как приблизительно можно перевести имя той на английский язык. Японку, должно быть, часто спрашивали такое, и она с готовностью ответила «Персиковая косточка – белая лапка». Сверхкондиционная могла улыбнуться хорошей шутке или своевременному анекдоту, но в тот раз она рассмеялась во все горло. Смех ее был воспринят враждебно. Японская пара с ними даже не здоровалась, если они пересекались в лобби.

Был еще один случай пересечения Малыша с чужой культурой. Спускался он как-то в лифте с японской женщиной, которая выглядела по его понятиям, как увеличенная до человеческих размеров нэцкэ. И без всякого любопытства он взял ее за руку чуть выше локтя. Та покраснела сквозь пудру и выскочила из лифта, как ошпаренная. Пару дней спустя Малыш спускался в гараж, чтобы ехать играть в теннис, и оказался в кабине лифта с той же женщиной и ее мужем. Узнав Малыша, женщина стала указывать на него одной рукой, а другой – прикрывать рот и громко что-то шептать японскому мужу. Лицо японца стало свирепым, он сделал несколько агрессивных движений руками в воздухе. Малыш, не понимавший тогда границ дозволенного, сделал похожие движения в ответ. На этом бы дело и кончилось, но Малыш считал себя американцем и поэтому он легонько хлопнул струнами своей ракетки по японской голове и сказал: «Помни Перл Харбор».

К концу 80-х экономическая агрессия Японии на штаты пошла на спад. Японские семьи выезжали из их билдинга в срочном порядке, оставив после себя мебель, предметы бытовой техники и велосипеды. Две японские женщины решили не ехать назад в Японию.

С одной из них Малыш столкнулся перед лифтом. Они знали вприглядку друг друга больше четверти века.

Хорошо еще, что в самом начале их Американского «гастроля», кроме его удалой головы, была голова и шея Сверхкондиционной, которая быстро разобралась, где правильнее жить ее семье и в какую школу ходить ее ребенку, из-за будущей жизни которого вообще начался весь этот сыр-бор с Америкой.

Денег у них было, может быть по-больше, чем у других приехавших из Питера, но не настолько много, чтобы купить кооператив в Хардсдейле. Однако, они сразу пошли работать, хотя и за гроши, и принялись копить, как это было принято в первородной семье Сверхкондиционной.

В семье Малыша не знали счета деньгам, потому что жили там от аванса до получки, как весь советский народ.

В этом был и есть национальный русский шик, перенесенный со страниц книг в реальную жизнь благодаря 99% грамотности населения и 100% любви к чтению русских классиков.

Если для примера взять американскую популяцию 80-х годов прошлого века и русское население в послереволюционный период и сравнить, что моделировало образ жизни одних и других, то с уверенностью можно сказать, что не читающие американцы черпали примеры из жизней, сходных с их, из кино и телевизионных шоу. Малыш был шокирован, когда после показа воскресного телефильма «Горящая кровать», запылала не одна кровать в реальной американской жизни.

Русский народ каким-то непонятным на первый взгляд тоже выбирал себе образцами не передовиков труда, а купцов-гуляк, банкиров-растратчиков и офицеров, пропивших полковую казну.

Отец Малыша, хотя и не был этнически потомственным русским, но эту негативную черту русского характера привил к себе с большим успехом за считанное время – он любил гулять и праздновать.

В свои сознательные годы Малыш, будучи ребенком, занимающимся со своим папой мужскими делами по воскресеньям, однажды попал на проводы кого-то в отпуск. По своей наивности он тогда думал, что именно поэтому они приехали на вокзал. Малыш стеснялся спросить папу, почему они не взяли с собой купальные принадлежности и что-нибудь из люби-

мых игрушек, чтобы не скучать в местах летнего отдыха, а просто сжимал теплую папину ладонь и следовал за ним под необъятными сводами. На вокзале они шли вовсе не к кассам за билетами, а в привокзальный ресторан. Там Малыша усаживали на стул за длинным накрытым разными вкусностями вокзального качества яствами столом. Заботу о нем добровольно брала на себя какая-нибудь Дуся или Леля.

Малыш в ту пору еще не был всеяден, но не был он снобски избирателен. Иначе говоря, он мог надкусить или проглотить ложечку чего-то для него нового, и если вкус не смущал или не шокировал его, то доест все на тарелке до конца. Тем временем его папа уходил в другой конец стола, где поднимались тосты. Оказывалось, что был такой праздник – обычай – провожать сотрудника в отпуск. Праздник по-простому назывался отвальной.

Размышляя о былом сейчас, можно правильно заключить, что настоящие отвалы случались, когда люди мигрировали из одного места в другое, преследуя различные официальные цели типа освоение целинных и залежных земель или строительство БАМа.

За отвальную в отпуск, как годами позже узнал Малыш, платил профком предприятия, подтверждая расходы придуманными актами о статьях расходов.

Но проводы в отпуск с вокзала имели и свои негативные стороны – нужно было все успеть съесть и выпить до отхода поезда к точке предстоящего отдыха. Иногда времени на это не хватало, и провожаемый под кайфом выбегал на перрон, когда последний вагон состава весело мигал перед его носом габаритными огоньками.

К концу банкета папа Малыша подходил к нему неровной походкой и интересовался не нужно ли ему в туалет, потому им уже пора ехать домой.

Потом они садились в трамвай номер 25, и Малыш был назначен ответственным лицом за выход из трамвая на правильной остановке в случае, если папа заснет.

И Малыш вырос таким – гулякой, похожим на своего отца. Но семейная жизнь со Сверхкондиционной перековала его на 180 градусов. Поняв, что на зарплату молодого специалиста прожить достойной жизнью невозможно, Малыш нашел для себя нишу в полу теневой экономике. Они зажили безбедно: купили жилье, давали ежемесячные фуршеты, ездили отдыхать на юга и снимали дачи на заливе. Пересечений с властью у них, как таковых, не было, но вот однажды Сверхкондиционную вызвали в школу, во второй класс которой ходил их с Малышом сын, и сказали, что так дальше продолжаться не может: сын Малыша улыбался в классе на всех уроках все 6 дней в неделю, если не болел. При этом он успевал академически и по внеклассному чтению. Это и послужило толчком к большим переменам.

Эти думы посетили Малыша, когда он выруливал на скоростную дорогу в сторону Нью Джерси. Самоговорящий телефон не перебивал его мыслей о том, что было и что он скажет Райке через 2 часа дороги.

Еще сегодня утром Малыш не подозревал, что день будет развиваться в таком направлении. Он подумал, что сейчас самое время заняться анализом и собрать звенья в цепочку, с чего все это началось, почему этого не произошло раньше, ведь он прекрасно знал, как можно найти Райку, и то, что он не хотел видеть ее немолодой, было пустой отговоркой для самого себя. Была тут и самозащита: что Райка, если бы хотела, сама могла найти его. А если не нашла, значит и не искала. А если не искала, значит и не хотела. Эта часть уравнения их отношений была у Малыша в голове долгие годы преравнена к его части, далеко не такой артикулярной.

В это время дня дорога не была особенно занята транспортом, и через четверть часа Малыш выруливал на мост, ведущий на другой берег Гудзона.

Итак, про Райку, как таковую, он не думал сегодня утром. Мысль о ней пришла к нему вместе с копией документа многолетней давности о его депортации.

Вдруг все собралось в единую цепочку: они с Прелестью не доплатили Андрею с Лонг Айланда за его открытие, которое подкинуло Прелесть на недоступную иначе ступень профессиональной лестницы. Малыш осознал это относительно недавно, когда Прелести пред-

ложили новую позицию и еще больше денег. Подсознательно он чувствовал себя должником Андрея. Размышления о нем, профессиональном химике-фармакологе, перекинулись на другого химика, Грегга Полуэкта, которого уже давно нет на этом свете, а именно у Райки осталась одна из его личных тетрадей с записями. Перед смертью Грегг стоял на пороге грандиозного открытия. Если правильно говорить, то он стоял за порогом открытия. Там же за порогом он от него и умер. Тетрадь нужна была Малышу именно для того, чтобы испытать судьбу еще раз: Грегг во время их последней встречи сам предложил Малышу партнерство в разработке открытия, и это давало Малышу моральное право считать себя наследником Грегга, как бы смехотворно это не звучало. Он должен использовать все существующие возможности, чтобы открыть секрет Грегга, если не самостоятельно, то с помощью Андрея. Таким образом, он позвонил Райке в надежде завладеть тетрадью Грегга, а патина романтизма появилась, когда он услышал ее голос и мгновенно позабыл перво цель своего звонка.

За окном уже замелькало Нью Джерси. Телефон сообщил ему, что нужный выход со скоростной дороги будет через 2 мили.

Малыш так и не решил, как ему вести себя. Сердце его билось нормальным ритмом. Чем ближе подъезжал он к Райкиному дому, тем прозаичнее становились его мысли, а романтизм отступал на второй, задний план.

Телефон уже объявил ему, пункт назначения будет через 300 футов с правой стороны, но Малыш не узнавал места жительства Нила и Зелды, деда и бабушки Райки, дома в котором теперь жила она сама.

Через 300 футов он остановил машину около натуральной, из живого кустарника, ограды метров четырех в высоту. Пройдя примерно пол блока, Малыш увидел ажурные чугунные ворота, которых раньше не было и домик-будку за ними. Как только он поравнялся с воротами, из будки вышел человек в униформе и посмотрел на него вопросительно.

Малыш сказал, что у него назначена встреча по этому адресу, и он хотел бы пройти за ворота. Человек в униформе поинтересовался, как Малыш добрался до ворот без транспортного средства, но отвечать ему не пришлось, потому что Райкин голос из домофона ответил за него что-то про сандалии с крылышками и дал указание открыть ворота. Малыш понял, что она ждала его и увидела через камеру обзора. Он уже совсем было собрался входить на территорию за ворота, но вспомнил про шампанское, забытое в машине.

Глава вторая

Через пару минут он стоял на крыльце и легонько стучал медным кольцом по бараньему лбу, объявляя о своем прибытии. Подсознательно Малыш боялся услышать за дверями шарканье артритных ног с варикозными венами и был очень рад, когда дверь неожиданно открылась, и его Райка, живая и здоровая стояла за порогом. Малыш не дал себе возможности смотреть самому и быть рассмотренным – он не был к этому морально готов, а бодро переступил через порог и приблизил свое лицо к Райкиному настолько близко, что невооруженный оптической человеческий глазной аппарат был не в состоянии сфокусироваться даже на самых мелких деталях. Он сразу уловил ее новый запах и отступил на полшага с облегчением: «Привет, Рейч. Быстро я к тебе доехал?»

– Очень быстро. У меня ремонтеры все еще работают на кухне.

– А чего мы на кухне не видали или в комнатах? Давай здесь сядем вон на те ящики с плиткой? Тут и освещение в самый раз, чтобы мозгами не тронуться от встречи.

Райка сначала засмеялась, а потом заплакала: «Ну, ты, Малыш, и дурачара. Ничего тебя не меняет в умную сторону. Десятилетия прошли, а он все громче распекает с каждой минутой...

Ей не стоило говорить этой строчки из детской песни прошлого века.

Малыша затошнило и зашатало, как от резких порывов ветра из разных направлений. Хорошо, что стена была рядом, и по ней он медленно додрейфовал до ящиков с плиткой, затих на них и сказал: «Да ну нафиг, отвык я встречаться с людьми, которых давно не видел. Я стал сентиментален и слезлив, как сериальный убийца, встретивший свою первую учительницу на инвалидном самокате».

Райка заливалась смехом, как в старые времена, и чтобы остановить его как-то, закрыла рот Малыша своей рукой. Он осторожно поцеловал ее ладонь несколько раз, а потом взял ее указательный палец в рот и сделал звук, как пробки из бутылки шампанского.

Райка не вырывалась, никуда не звала и сама не торопилась, а уселась на соседний ящик.

Глаза Малыша привыкли к полумраку настолько, что не очень верилось – Райка почти не изменилась. Может быть, она и тянула на сорокет, но и то – довольно условно. Может быть, губы стали чуть тоньше, но и это было не факт: в бытность их совместной жизни они бывали в основном опухшими от житейского.

Малыш чувствовал, что вторичная причина его приезда к Райке опять становится первичной. Хорошо все-таки, что они в полумраке и он – в очках. Может быть, она не замечает, как он ее бесстыдно рассматривает. Ему стало неловко от таких дум. Еще он поймал себя на мысли, что она его не рассматривает, а просто смотрит на его лицо. И, кажется, что они уже давно молчат. Про свое молчание Малыш не думал, а вот про Райкино – догадался. Она молчит, потому что думает, что у него в семье произошло что-то значительное, возможно трагическое. В такие моменты люди вспоминают тех, кого и забыли, как звали, просто знали, что есть такой человек на свете на черный день, он не откажет. А по другим дням его не стоит беспокоить. Таким человеком видела себя Райка глазами Малыша. К тому же она проговорила по телефону, спросив его прямо в лоб – чего он звонит? Но потом все взвесила и нашла оптимальный для нее путь, как вести разговор с Малышом. Их молчание напоминало велосипедную гонку на треке, когда в ее начале соревнующиеся велосипедисты долго балансируют на одном месте и провоцируют своих соперников первыми нажать на педали и стать ведущими гонки, чтобы позже выскочить из-за их спины «свежим» и вырвать победу.

Несмотря на полумрак, Райкин взгляд был довольно пронизывающим и хорошим предлогом для начала разговора. Малыш не боялся быть заткнутым за пояс в словесных состяза-

ниях. Он сказал серьезным тоном: «У тебя в доме есть мазь Вишневского, а то у меня кожа на лице скоро запузырится».

Райка была готова: «Мазь не понадобится, я просто пописаю, как в старину. Ну что, ты очухался? Пойдем, я тебя познакомлю».

Они встали и пошли по ковровой дорожке в сторону лестницы, которая вела в гостиную на второй этаж. Малыш не узнавал планировки дома, да и за столько лет его могли перестраивать ни один раз. Лестница была широкой и позволяла им идти рядом. На стенах по-прежнему висели черно-белые групповые фотографии похожих друг на друга военных.

Райка говорила, что переехала жить в этот дом 4 года назад, когда не стало наны Зелды. Ее дом в Калифорнии сдан в рент каким-то дальним родственникам за символическую плату. Дальше она сказала, что ее последний муж разбился и утонул 10 лет назад и с тех пор она жила одна.

Малыш понимал, что она с ним вовсе не соревнуется ни в чем сейчас, а осторожно рассказывает ему неизвестное. Так картежники с выигрышной мастью не открывают сразу весь флеш-рояль, а делают это степенно, чтобы медленно задавить противника и удлинить свои мгновения удачи.

Пока Райка рассказывала про то, как ей пришлось учить себя, чтобы управлять семейным бизнесом и не дать ему быть разворованным нанятыми управляющими. Теперь они стояли на лестничной площадке между этажами под театрального размера хрустальной люстрой перед оригинальным полотном Кандинского. Еще малыш узнал, что у Райки есть дочка со своими детьми, с которыми она почти не общается. Малыш тронул ее за плечо, чтобы показать, что он понимает ее боль в связи с этим, и она благодарно взглянула на него. Постояв пару минут, они чинно зашагали дальше. Теперь Райка была на пару ступенек впереди и не навязчиво крутила своим компактным задиком перед носом Малыша.

...она думает, что я расстался со Сверхкондиционной и примчался к ней для попытки вернуться и вернуть, и чтобы поставить меня на заслуженное место, хочет меня представить кому-то главному в ее жизни, а задом крутит, чтобы усугубить мою потерю.

На втором этаже, сразу около лестницы, была узнаваемая гостиная. Все та же мебель стояла на прежних местах. Около стены был постелен мат, должно быть, для занятий йогой. На журнальном столике лежало несколько гламурных журналов. Это сразу бросилось в глаза Малышу – зачем они здесь? Он мог бы предположить что угодно на счет Райки, но только не то, что она читает такое.

Райка поймала его взгляд и сказала, что она работала в издательствах этих журналов и теперь пожизненно будет получать их – такие были условия контракта. На инкрустированном деревянном столике-баре на колесах стояло несколько запывлившихся бутылок. Малыш не чувствовал никого живого в этом доме, не считая Райки и понял, что ни с кем его знакомить не будут, а просто брали на пушку для пока непонятных целей. Он живо себе представил, как Райка одна живет в этом доме, все ее рутинные траектории и перевалочные пункты.

Райка продолжала рассказывать что-то незначительное для них обоих, давая Малышу возможность набраться смелости и рассказать о себе. Он пока не торопился с разговором, потому что не чувствовал, что пора.

– Я не очень хорошая хозяйка, не сажаю тебя за стол. Почему бы нам не поесть поздний ланч? Наверняка ты голоден с дороги. На этом этаже нет кухни, но когда-то здесь был настоящий бар с раковиной для мытья посуды. Я перестроила барное место в своего рода китченетту с холодильником и столом для закусок. Ничего, если мы закусим прямо здесь?

– Все зависит, чем ты будешь угощать.

– У Нила и Зелды каждый день был рыбный день. Я не стала менять обычаев дома, тем более, что рыбу привозят, как было заведено много лет назад. Могу предложить тебе бутерброд с копченой, соленой и вяленой рыбой под азиатское пиво.

Как только Райка повернулась к нему спиной и занялась едой, Малыш рассказал ей про свое вдовство и теперь одинокую жизнь в Уэстчестере. Райка стояла к нему в пол оборота, как это принято у породистых людей, когда они вынуждены принимать участие в разговоре и суетиться по хозяйству. Она не перебивала его с охами-ахами или уточнениями. Они закончили одновременно: Малыш – короткий вариант рассказа о жизни, а Райка – с дюжиной искусно украшенных зеленью и белком он вкрутую сваренного яйца бутербродиков. Все они были порезаны на маленькие ромбы величиной в пол укуса. Глядя на их количество и внешность, Малыш понял, что рассказ его не был таким уж коротким.

– Ты думаешь, нам не стоит выпить за встречу народов не пива, а другого?

– Нам стоит выпить всего, чего ты захочешь, но хочу предупредить тебя, что кроме рыбы у меня нечем закусывать. Я не готовлю для себя из различных соображений, а встречаюсь с людьми на завтраки, ланчи и обеды в публичных местах. Так мне удобнее.

– Я и сам не большой едок теперь. Мне и в голову бы не пришло что-либо есть после такой красоты. Где это ты такому научилась?

– Это мне привилось от второго мужа: он не мог сидеть за столом, как принято у нормальных людей. У него не было ни минуты свободного времени, ни на еду ни на другое.

– Чем же он был так занят?

– Он работал тайпистом в федеральном суде и приносил много работы домой, а когда кончался тайпинг для суда, он одевал наушники, менял одни клавиши на другие и сочинял музыку.

– Наш человек, понятное дело. Не иначе, что он очаровал тебя битьем по клавишам. Многим женщинам такое нравится, они видят в этом отношение к искусству и намеки на духовность.

Другой бы человек наверняка обиделся на подобные сравнения, но Райка только улыбалась. Было похоже, что она узнает старого Малыша постепенно и даже рада его соображениям о мужчинах, которые бьют по клавишам. Сомнений не было, что все тот же Малыш.

– Я думаю, что будет в корне неправильно, если шампанское, которое пересекло бестаможенно границу двух штатов так и скиснет непечатым. Давай попьем его немного. Жалко ведь.

Разговаривая с Райкой, Малыш и сам вспоминал, каким он был с ней когда-то – как и что говорил ей, учил правильному русскому языку и как понимать Андрея Платонова. Райка была блестящей ученицей и умницей, хватала и впитывала язык очень быстро. Между ними не было словесных преград довольно скоро после знакомства и никаких преград, с момента начала их совместной жизни. Он и сейчас чувствовал радостный подъем в себе от такого пустяка, как разговор о ее втором муже.

Малыш открыл шампанское, продел свою руку крендельком под Райкину, как в брудершафтном тосте, и они выпили шампанское до дна и поцеловались краешками губ.

– Второго мужа я встретила в Торонто на летнем фестивале славянской музыки. Он играл Дворжака совсем не по-уличному. Ему не мешал шум толпы и скоротечный теплый дождь. Видно было, что он музыкант. Оказалось, что он убежал из штатов от воинского призыва, да так и остался жить в Канаде. Боялся возвращаться в штаты под своей фамилией, чтобы не быть оштрафованным и осужденным. Я предложила ему фиктивный брак и свою фамилию.

Они выпили по второму стакану шампанского и, молча, смотрели на бутерброды с разными рыбками.

Говорят, что шампанское имеет свойство быстро пьянить и развязывать языки. Вообще-то Малыш был уверен, что все газированные вина имеют такое свойство. Какая-то хитрая реакция алкоголя с углекислым газом, поступившего в артериальный кровавый поток, все ускоряет. Поэтому, когда он начал говорить раньше обычного, то у него было полунаучное объяснение своей болтливости. Малыш не боялся услышать на свое «А помнишь» «Нет, не помню». Для начала, он сказал, что в Питер он больше почти не ездит, потому что там мало кто остался

в своем уме, не говоря уже о том, что в живых. От таких, казалось бы, безрадостных вестей Райку практически перегнуло пополам от смеха. Малыш видел с ней такое только однажды, когда она читала Малышов перевод Мальчика-с-пальчика с русского на английский. И опять ее смех привел его в тупик – что смешного он сказал одной общей фразой и ни о ком конкретно? Это был не результат шампанского с ее стороны, Малыш был уверен.

Когда Райкин смех спал по громкости и удельному весу до нормального уровня среднего зрителя, он нерешительно продолжил про питерские холодные зимы, каких не бывало со времен блокады. Рассказал, что лично сам был свидетелем одного случая, достойного книги Гиннеса. Он сказал, что там мостовые посыпают какой-то химией, так что лед и снег тают при любой температуре и остаются лежать в качестве морозостойкой жижи, если кто-то просто ступает по ней, но стоит только остановиться, скажем, покурить на свежем воздухе под пиво или просто в ожидании городского транспорта, как эта жижа примерзает к обуви намертво.

Здесь в описании ему следовало остановиться, потому что рассказанное и удостоверенное фотографиями такое уже бы потянуло на Гиннеса. Но с Райкой Малыш всегда был готов пройти лишнюю милю. Она помнила это и ждала главной линии.

И он продолжал: «Однажды поздним вечером я шел из каких-то гостей в одном из новых районов. Там все продумано для людей, у которых по-прежнему нет личного транспорта – там остановки всех видов транспорта расположены на одном перекрестке, но только на разных его сторонах, и большинство транспорта следует до метро. Таким образом опытные горожане занимают позицию в ожидании транспорта не одного – так другого, чтобы успеть добежать. Бежать, правда, надо через проезжую часть дороги, и случается, что не все добегают из-за автодорожного транспорта.

Райка смотрела на него хотя и с улыбкой, но полуразочарованно.

– Это я к слову сказал про остановки. Мой случай был такой: пришел я на такую вот точку ожидания всех видов транспорта сразу, а там – ни души. Вроде, и время еще на такое позднее, но людей нет ни одного. Через пару минут подошла какая-то бабка и спросила меня, давно ли я здесь стою. Я сказал, что недавно, а она мне рукой на жижу показывает и говорит, что ушел транспорт недавно. Я был немного навеселе и от этого разговорчив и спросил, откуда она такое выследила. Она мне рукой в ту жижу указывает возмущенно, что я вообще ничего не вижу. Я присмотрелся к тому месту, а там несколько пар обуви стоят замороженными в жижу. Прямо, как японская инсталляция про Нагасаки.

Райка на этот раз особо не смеялась, а подала Малышу вторую бутылку и спросила, зачем он туда зимой ездит, если там так холодно.

Малыш и сам точно не знал причины. Должно быть привычным фактором были цены за перелет.

Они опять выпили, но больше не закусывали и на рыбок не смотрели, а смотрели во все глаза друг на друга, как будто бы оба только что прозрели. Разговора между ними тоже больше не было, да он им был и не нужен. И в этот момент зазвенел Райкин мобильник. Она ответила, что сейчас придет. До Малыша услышанное сразу дошло, и несколько оскорбил его Райкин ответ: «Куда это ты собираешься, когда мы еще не допили – не договорили?»

Райке нужно было спуститься на кухню и принять работу у ремонтников. Она попросила Малыша спуститься с ней и пораздуть щеки, как он умел делать когда-то.

На кухне 3 человека переминались с ноги на ногу в ожидании приема их работы. Малыш помнил эту кухню с самого первого вечера прилета в штаты. Именно за этим столом он ел свои первые рыбные бутерброды и плевался от напитка, приняв его по названию за пиво.

Щеки особенно раздуть было нечего: новая кухня была полностью смонтирована, газ горел, вода бежала. Дверцы и ящики закрывались сами при помощи негативного давления воздуха внутри.

Райка особо не восхищалась. Позже Малыш узнал – почему. Как она пояснила ему позже – за такие деньги у каждой дверцы и ящика должен быть свой маленький гомункул для обслуживания, а жить они все должны в огуречном рассоле в пятилитровой банке.

Он очень смеялся, хотя ему было непонятно, откуда у Райки такие исчерпывающие познания.

Когда ремонтеры убрались из дома, Райка предложила не подниматься на второй этаж, а заняться обживанием новой кухни. У Малыша никогда не было новых кухонь, и он только понаслышке знал, как их обживать. Однако, в Райкиной компании после 2х бутылок шампанского он был готов освоить новый для себя обряд. Согласно Райкиным познаниям в бытовых искусствах обживание кухни заключается обычно в том, что идет примерка старых кухонных атрибутов к новому. Родился этот обряд не случайно: далеко не всякое даже из относительно недавно приобретенного, может соответствовать новым кухням. Какой прок иметь новую кухню, если она вас не радует своей старой начинкой. Малыш вроде и улавливал идею обновления, но не до конца. В углу кухни, на временных полках стояла старая кухонная утварь, которая могла быть гордостью антикварного магазина или кухни в колониальном стиле. Все эти маслособойки и отделители белков от желтков сразу у десятка яиц вызывали у Малыша истинное чувство восхищения бытовой инженерии в недалеком прошлом.

Естественно, что он был решительно против, когда Райка принесла несколько картонных ящиков и попросила его убрать в них все это полумеханическое старье, которому не было места в новой кухне. Малыш не возражал, как бы сделал обычно, потому что помнил, что приехал он сюда за другим, но спросил, не смогла бы Райка ему продать несколько интересных вещей и указал на скороварку в форме противоподлюдочной мины и инструмент для колки орехов в форме разводящихся женских ног.

– Забирай, если хочешь. У меня нет времени устраивать распродажи или таскаться по старьевщикам. Но зачем тебе такое, если у тебя даже и кухни настоящей нет?

– Можно мне попробовать эту скороварку на скороварность прямо сейчас? Это не отнимет и пяти минут.

Малыш знал, что если скороварка работает, то она запоем немецкую песенку из сказки Андерсена.

Райка смотрела на новые чудачества старого Малыша и думала про мужчин ее жизни: они все были с какими-то щербатинками или несвойственными женщинам странностями. Малыш, пожалуй, был самым приземленным и нормальным – хотел себе тихо снимать хороший порн, и не было у него других амбиций...

Оказалось, что большинство кухонного скарба, знакомого Райке с детских лет будет оставлено на новой кухне: Райка не мыслила себе бабушкину кухню без всего этого. Она расставляла утварь на полки и в ящики приблизительно туда же территориально, где она находилась и прежде.

Райка посмотрела на Малыша, стоящего у плиты, как часовой. На нем был хорошо ей знакомый с давних времен пиджак, скроенный из одинокой польской коровы. Она узнала пиджак сразу, но не решилась рассмеяться, чтобы случайно не оскорбить или обидеть. Возможно, что для него пиджак этот имел какие-нибудь тотемно-маскотные качества. У ее второго мужа, например, были «счастливые трусы» – их нельзя было стирать со всем остальным или сушить принудительным теплом. Она печально улыбнулась от воспоминания картинки мужа в наушниках с голым задом, стирающим в раковине «счастливые трусы»...

В это время скороварка закипела и тоненько завела мелодию про бедного Августина, но за годы пользования что-то случилось со свистком: пару нот из музыкальной фразы пропадали, и звук был хотя и узнаваемым, но искаженным, как с заезженной пластинки. Малыш, однако, сиял счастливо.

Райка спросила Малыша, хочет ли он подниматься на второй этаж и продолжать пиршество там, или она может принести все на кухню. Малыш сказал, что может другой возможности у него не будет обмыть новую кухню, и они вдвоем пошли на второй этаж за остатками еды. Райка шла впереди и вдруг остановилась на мгновение, а Малыш брел следом за ней и смотрел по сторонам на стены с фотографиями, пока резко не наткнулся и не полюбнял ее, чтобы не уронить и не грохнуться самому. Он не испугался случившегося, а держал Райку сзади за плечи и за грудь. Она сказала «ой» на его обжим, повернулась и спросила: «Так мы идем?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.